

ПОХОД ОСМАНОВ НА РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ В 1672 г. И РОССИЯ

Хорошо известно, что Андрусовский перемирный русско-польский договор, заключенный в начале 1667 г., был одновременно и соглашением о союзе обоих государств против Османской империи и Крыма. В 19-й статье договора предусматривалось, что войска России и Речи Посполитой «по обоим сторонам реки Днепра», на Дону и в Запорожье «всегда готовы быти имеют и отпор давати» войскам хана или султана в случае их вторжения в Восточную Европу¹. В 31-й статье договора определялось, что послы, которые поедут в Москву для ратификации договора, обсудят более конкретно вопрос о военно-политическом сотрудничестве между государствами². Соответствующие переговоры привели к заключению в самом конце 1667 г. Московского договора, в первой статье которого определились обязательства русской стороны в при нападении османских войск на Речь Посполитую. В этом случае царь должен был направить на Украину армию из 5 тысяч конных и 20 тысяч пеших людей, которые должны были соединиться с войсками Речи Посполитой между Днепром и Доном. Одновременно царь должен был направить на Крым донских казаков и калмыков³. В Москве полагали, что заключение такого соглашения заставит Османскую империю и Крым отказаться от вмешательства в восточноевропейские дела.

Однако эти ожидания не оправдались, и последующие месяцы были отмечены усилиями османов по установлению протектората над Правобережным гетманством, не желавшим подчиняться польской власти. Важной вехой на этом пути стали решения казацкой рады в Чигирине от 11 марта 1669 г. о признании гетманством османской «протекции», а в Стамбуле были направлены послы привезти гетману Петру Дорошенко от султана знаки власти (см. об этом: [Крикун, с. 256–271]). Если такие решения не привели сразу к войне Речи Посполитой с Османской империей, то следует учитывать, что лишь в сентябре 1669 г. закончилась долголетняя Кандийская война османов с Венецией, П. Дорошенко не разрывал своей формальной зависимости от Речи Посполитой, а Польско-Литовское государство не предпринимало шагов для реального подчинения Правобережного гетманства.

Положение обострилось, когда на переговорах в Остроге 2 сентября 1670 г. власти Речи Посполитой признали законным гетманом Правобережья противника Петра Дорошенко уманского полковника Михаила Ханенко (см. об этом: [Perdenia, s. 207–260]). Это был важный шаг на пути к установлению реальной власти Польско-Литовского государства над казацкими землями Правобережной Украины. В Варшаве понимали, что этот шаг может вызвать враждебные действия со стороны Османской империи. Осенью 1670 г. стали постоянно приходить известия о приходе османских войск в Молдавию и о приготовлениях османов к войне [Wagner, s. 67–68]. В декабре 1670 г. в Москву пришла грамота короля Михаила Вишневецкого. Король сообщал, что султан «с великою силою на войну готовитца», и предлагал соединить войска для совместного отпора «бусурманом»⁴. Это было предложение на высоком уровне выполнить обязательства, взятые на себя русской стороной по Московскому договору.

Положение продолжало обостряться. Действия польской армии против правобережных казаков — «подданных» султана были расценены в Стамбуле как разрыв Речью Посполитой

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Собр. 1. Т. 1. С. 665.

² Там же. С. 668.

³ Там же. С. 728–731.

⁴ Акты относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1877. Т. 9. № 78. С. 311–312.

мирных отношений с Османской империей. Письмо султана, означавшее объявление войны, было вручено королю в декабре 1671 г. [Wagner, s. 173–174].

В этих условиях соглашение о «случении» армий двух государств для борьбы с наступлением османов стало одной из главных задач «великого» посольства, отправленного в Москву в конце 1671 г. [Wójcik, s. 262–263, 275]. В декабре того же года начались тяжелые длительные переговоры, завершившиеся лишь в апреле 1672 г. В новом русско-польском договоре⁵, заключенном 9 апреля (30 марта) 1672 г., отсутствовало обязательство русской стороны направить на Правобережье армию для соединения с войсками Речи Посполитой. В соглашении лишь отмечалось, что в будущем царь обсудит с королем вопрос о посылке таких войск. Почему так произошло? Определенный ответ на этот вопрос предложил в своем исследовании, посвященном русско-польским отношениям конца 60-х — начала 70-х годов XVII в., польский исследователь Э. Вуйцик. Он справедливо отметил определенные противоречия во внешнеполитической позиции Речи Посполитой, когда, добиваясь военной помощи от России, ее правящие круги одновременно добивались возвращения утраченных земель на востоке, отказываясь заключить «вечный мир», поэтому Россия была заинтересована в ослаблении Речи Посполитой [Wójcik, s. 307]. При этом возникал, однако, вопрос, заинтересована ли была Россия в усилении османского присутствия в Восточной Европе. Ведь на переговорах, как известно, представители польско-литовской стороны неоднократно указывали своим русским партнерам, что ослабление Речи Посполитой приведет к росту опасности для России со стороны Османской империи. Э. Вуйцик полагает, что русские политики не видели такой опасности, так как во время переговоров с Османской империей и Крымом были достигнуты договоренности, обеспечивавшие безопасность южных границ России [Wójcik, s. 241–245, 257–258, 306]. К сожалению, этот важный вывод не опирается на анализ материалов русско-османских и русско-крымских переговоров. Автор отмечает, что на эти годы приходится серьезный внутривосточный кризис Польско-Литовского государства, что должно было повлиять на позицию русской стороны [Wójcik, s. 300, 306]. Однако остается неясным, что именно знали в Москве об этом политическом кризисе, а поэтому и не устанавливается, как эти знания могли повлиять на царя и его советников.

Выдвинутые автором положения поэтому нуждаются в проверке на материале русских архивных источников.

Соображения Э. Вуйцика о сложностях в русско-польских отношениях находят определенное подтверждение в свидетельствах источников, сохранившихся в русских архивах. Эти свидетельства показывают, что русских политиков беспокоило не только нежелание польско-литовской стороны заключить «вечный» мир, но и слухи о планах короля Михаила Вишневецкого силой занять Киев и свои «маетности дедичные» на Левобережье. 12 февраля 1671 г. архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель писал, что король «весною имеет прийти в Киев и быть в Киеве дотоле, докамест заднепровские города к себе превратит»⁶. Неудивительно в этих условиях, что такой влиятельный советник царя, как князь Ю. А. Долгорукий, в августе 1671 г. подал мнение, что России выгоден конфликт короля с правобережным гетманом П. Дорошенко и ханом, так как тогда он не сможет «доступать» Киева⁷. Эти соображения, однако, как представляется, должны были потерять свою силу, когда обозначилась перспектива прямого вмешательства султана в события, происходившие в Восточной Европе.

Обращение к источникам, в которых отложились сведения о дипломатических контактах между Россией и Османской империей, показывает, что в конце 60-х годов XVII в. в Москве

⁵ Его публикацию см.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 513.

⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. Стб. 424. Л. 204 и сл.

⁷ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Кн. 52. Л. 67 и сл.

стремились наладить мирные и дружественные отношения с Османской империей и эти обращения встретили дружеские жесты с османской стороны.

Так, русским послам А. Нестерову и И. Вахрамееву было заявлено, что султан желает мира, крымскому хану будет приказано прекратить набеги, иначе султан «хану велит наказание учинить»⁸. На обратном пути они получили «лист» от азовского паши Сулеймана: «велено с московским государем в дружбе и братстве быть»⁹.

В августе 1668 г. с очередной царской грамотой и кречетами для султана был отправлен толмач В. Даудов, который в апреле 1669 г. привез обещание султана прислать в Москву «послов своих великих»¹⁰. Когда в апреле 1669 г. в Османскую империю был направлен новый гонец А. Поросуков, то в привезенной им султанской грамоте выражалось пожелание, что «меж нами дружба и любовь день от дни будет пребывать»¹¹.

Вместе с тем в Москве не могли не отметить, что обещанные послы так и не прибыли, и никакого соглашения между государствами так и не было заключено. Заинтересованные в стабилизации положения, сложившегося в Восточной Европе после Андрусова, русские политики обращались в Стамбул с призывами: «в Украине своевольных и злых людей, которые на обе стороны людскую кровь проливают... подговаривать и принимать не велите»¹². На эти обращения в Стамбуле, однако, не реагировали и выдвигали встречное требование — «хана подданным, запорожским казаком, из вашей стороны на них бы ратных людей не посылать»¹³. Таким образом, никакого соглашения между государствами не было и никакими гарантиями безопасности южных границ со стороны Османской империи в Москве не располагали.

Характерно, что после поездки А. Поросукова в Стамбул в контактах с Османской империей наступила пауза. Усилия русской стороны оказались направлены на заключение мирного договора с Крымским ханством.

Проходившие в Москве переговоры о заключении такого соглашения заняли время с мая 1669 по апрель 1670 г. [Новосельский, с. 89]. Длительный и напряженный характер переговоров был связан с тем, что в Москве стремились придать договору характер трехстороннего соглашения, налагавшего на хана обязательства сохранять мир не только с Россией, но и с Речью Посполитой. По заключенному договору хан обязывался на земли России и Речи Посполитой «войною не ходить, по обе стороны Днепра не воевать и воинских людей не посылать, злых ссор к войне ни от кого не слушать». Предполагался также созыв съезда представителей трех государств с участием «выборных людей из Украины», «чтоб от крови и от плену люди в трех государствах успокоени вечно были»¹⁴. Налицо свидетельство о значительных усилиях, затраченных русской стороной для стабилизации положения, сложившегося в Восточной Европе после Андрусова. Характерно, что копия заключенного договора была сразу же отправлена в Варшаву [Wójcik, s. 245]. Здесь понимали, что такое соглашение отвечает интересам не только России, но и Речи Посполитой. Однако добиться заключения такого соглашения не удалось. В «шертной записи» хана Адиль-Гирея от июля 1670 г.¹⁵ все обязательства по отношению к Речи Посполитой были опущены. Хан брал на себя лишь обязательство не нападать на «которые в вашей державе

⁸ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Кн. 8. Л. 171 об.

⁹ Там же. Л. 221.

¹⁰ Там же. Л. 299 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 89. Кн. 11. Л. 126 об.—127.

¹² РГАДА. Ф. 89. Кн. 8. Л. 64 об.; ср. л. 126, где поясняется, что речь идет о казаках Правобережья. См. также л. 252.

¹³ Там же. Л. 318 об.

¹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 469.

¹⁵ Там же. № 479.

города и украинные места». По мысли Э. Вуйцика, это было как раз такое соглашение, которое было нужно Москве. Однако здесь вовсе не были удовлетворены таким поворотом дел. Было проведено расследование, почему русские посланники согласились взять у хана подобный текст (см. об этом: [Фаизов, 1985]). Когда в 1671 г. в Крыму произошла смена ханов, была предпринята попытка добиться подтверждения прежнего соглашения. Летом 1671 г. В. Шишкин повез в Крым текст договора, включавший статью «о польском деле»¹⁶. Попытка эта закончилась неудачей¹⁷, но новую «шерть», повторявшую запись Адиль-Гирея, царь не принял, и крымским гонцам было приказано ехать в Крым «на своих кормех»¹⁸. Таким образом, определенные гарантии со стороны Крыма предлагались, но в Москве этим не были удовлетворены и добивались их распространения на Речь Посполитую. Итак, Россия предприняла усилия по стабилизации сложившегося положения в Восточной Европе, и здесь явно не были заинтересованы в вооруженной интервенции османов и татар. Почему же Речи Посполитой отказали в помощи? Ответа, как представляется, следует искать в знаниях русских политиков о положении в Польско-Литовском государстве.

Э. Вуйцик справедливо отметил, что глубокий внутривосточный кризис Польско-Литовского государства накладывал отпечаток на политику его соседей [Wójcik, s. 306]. В этой связи часто цитируют слова хана Селим-Гирея, обращенные к польскому послу Я. Карвовскому, что османы намерены начать войну, зная о внутренней слабости Польского государства [Korzon, s. 184]. Для понимания мотивов поведения русской стороны на переговорах о союзе важно поэтому установить, что знали в Москве о внутривосточном кризисе в Речи Посполитой на рубеже 60–70-х годов XVII в. Соответствующие сведения можно было черпать не только из сообщений выходцев и лазутчиков, но и из сообщений европейской прессы. Так, в рассказе австрийских «курантов» октября 1669 г. о коронации Михаила Вишневецкого читалось, что «коронный гетман Сабеский хотел коронованию помешать и город Краков осадить»¹⁹.

Но приходили, конечно, сообщения из самой Речи Посполитой, говорившие о глубине и остроте кризиса. В июле 1670 г. царь и бояре слушали запись разговора В. Даудова с Павлом Потоцким о планах созвать сейм «в поле», чтобы «виноватых сыскать, которые чинятца противни королевскому величеству», и «их за то хотят побить»²⁰. В начале марта 1671 г. были записаны «речи» одного из русских агентов витебского шляхтича Богдана Подвинского, что короля «Литва вся любит», а «корунные, де, королю неприятны», так как они во главе с Я. Собеским «против его взбунтовались»²¹. В мае 1671 г. полковник Николай фон Стаден сообщал, что в Польско-Литовском «государстве великое несогласие, корунной гетман Сабезский противен королю является и от службы отказал»²².

Конечно, такие сообщения говорили о слабости и внутренней непрочности Польско-Литовского государства, но следует принять во внимание и другой аспект, для русской стороны также весьма важный. Речь шла о связях группировки, возглавляемой Я. Собеским, с правобережным гетманом П. Дорошенко и османами. Уже в октябре было записано сообщение, что Я. Собеский и П. Дорошенко «договорились о том накрепко, что, сложась с татарами, воевать Польшу»²³. Б. Подвинский также сообщал, что король боится, «чтоб корунные не поддались турку»²⁴.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымским ханством). Кн. 52. Л. 82 и сл.

¹⁷ Там же. Л. 212 об.–213, 216 об.

¹⁸ Там же. Л. 289, 302.

¹⁹ Вести-куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. М., 2009. Ч. 1. С. 413.

²⁰ РГАДА. Ф. 89. Кн. 11. Л. 123 об., 125.

²¹ РГАДА. Ф. 79. 1671 г. № 1. Л. 48.

²² Там же. Л. 116.

²³ АЮЗР. СПб., 1872. Т. 7. № 36. С. 104.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. 1671 г. № 1. Л. 48.

Как оценивало русское правительство сложившееся положение, позволяет судить составленный весной 1671 г. наказ русским послам для несостоявшихся переговоров в Андрусове²⁵. В нем указывалось, что царь не может направить войска на Украину, когда «гетман корунной Собеской с советники своими... с Дорошенком сложился» и есть опасность, что здесь его армия может столкнуться с соединенными силами османов, хана, Дорошенко и Собеского. Именно в этом документе получила четкое выражение и оценка сложившегося положения вещей, и решение, принятое в этой связи русским правительством.

Из наказа ясно видно, что толчком к принятию решения послужило получение от левобережного гетмана Демьяна Многогрешного адресованного ему письма Петра Дорошенко, в котором говорилось, что он рассчитывает на помощь со стороны не только султана, но и Яна Собеского, с которым его связывает взаимное обязательство оказывать друг другу помощь против «каждого неприятеля на него наступающаго»²⁶.

Принятое решение, правда, не было окончательным. Искались пути выхода из сложившейся ситуации. Положение дел в Речи Посполитой должен был выяснить царский посланец думный дворянин И. И. Чаадаев. Привлекает внимание раздел его наказа, в котором ему давались полномочия заключить «договор на письме» о совместном обращении России и Речи Посполитой к другим европейским государствам с просьбой о помощи [Флоря, с. 11]. Очевидно, что в Москве уже в то время опасались тяжелых последствий вторжения османов на земли Восточной Европы.

Главной задачей И. И. Чаадаева было дать царю и его советникам представление о положении дел в Речи Посполитой, и И. И. Чаадаев успешно решил эту задачу. Вернувшись в конце сентября 1671 г., он сообщил, что война уже идет, «а на весну чают к Каменцу везиря турецково со многими силами», в Речи Посполитой усиливается внутривосточный кризис, который захватил и расколовшуюся армию. Среди врагов короля были сенаторы, занимавшие главные государственные должности, а сторонники короля хотели, созвав войско, образовать так называемый конный сейм, который принял бы решение о расправе с этими сенаторами, не считаясь с установленными нормами. В стране, таким образом, в условиях наступления османов начиналась гражданская война [Флоря, с. 12–15].

Приходившие во время русско-польских переговоров и сразу по их окончании известия подтверждали правильность сообщений И. И. Чаадаева. Уже 8 марта было получено известие об организации «конфедерации» главной вооруженной силой государства — коронным войском, отказывавшимся выполнять свои обязанности²⁷. А 23 марта через лазутчика смоленского воеводы пришли важные сообщения «тайным обычаем» от такого видного литовского политика, как Марциан Огинский. Он сообщал, что у короля с польскими сенаторами «учинилось незгода» и одновременно «войско, де, корунное взбунтовалос». М. Огинский очень низко оценивал способность страны в таком состоянии вести войну. На наем войска у властей денег нет, а созыв дворянского ополчения — «посполитого рушения» делу не поможет, «и того, де, збору долго ждать, бедны, безконны, вскоре не зберутца»²⁸. К этому следует добавить, что, как отметил Э. Вуйцик, ко времени завершения переговоров в Москве стало известно, что сейм, собравшийся в начале 1672 г., был сорван [Wójcik, s. 300] и накануне военной кампании государственная казна осталась пуста. Неудивительно, что русские политики уклонились от посылки войск на помощь государству, оказавшемуся в таком положении.

²⁵ АЮЗР. Т. 9. № 90. О времени и обстоятельствах составления этого документа см.: [Эйнгорн, с. 170–171].

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 76 об.—77 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1672 г. № 1. Л. 33.

²⁸ Там же. Л. 44, 46.

Вместе с тем это не означало, что русское правительство вообще уклоняется от участия в событиях, происходивших в это время на территории Восточной Европы. Характерно, что на переговорах достаточно видное место занял вопрос о Правобережном гетманстве. Советники царя, Ю. А. Долгорукий и А. С. Матвеев, заявили послам Речи Посполитой, что гетман П. Дорошенко уже ранее обращался к царю с просьбой принять Правобережное гетманство под его власть, чтобы защитить от польских властей казацкие «вольности» и православную веру. Царь тогда ему отказал, но теперь властям Речи Посполитой следует согласиться на переход Правобережного гетманства под власть царя, и тогда оно разорвет свои отношения с султаном. Другой вариант: гетманство останется в составе Речи Посполитой, но царь будет признан гарантом сохранения здесь казацких «вольностей» и православного вероисповедания. В этом случае у Османской империи не будет оснований для вмешательства [Wójcik, s. 287–288, 290–292; Perdenia, s. 325–326]. Остается неясным, в какой мере такие планы могли быть согласованы с правобережным казачеством, но очевидно, что русское правительство явно проявило готовность вступить в серьезный конфликт с Османской империей, если бы польско-литовская сторона согласилась на пересмотр соответствующих пунктов Андрусовского договора, на что польско-литовская сторона не желала пойти.

Уклоняясь от «случения» армий, русская сторона приняла на себя ряд обязательств по отношению к Речи Посполитой. Наиболее важными были два. Во-первых, русская сторона обязывалась в случае нападения османов на Польско-Литовское государство направить против Османской империи и Крыма своих татарских вассалов, калмыков и донских казаков, а также оказать поддержку аналогичным выступлениям запорожцев. Во-вторых, царь обязался предложить султану и хану прекратить войну с Речью Посполитой, угрожая в противном случае вмешательством России. Как известно, сразу после заключения договора были приняты меры для выполнения этих обязательств [Wójcik, s. 303 i n.].

После заключения договора немедленно были подготовлены тексты грамот к хану (от 15 апреля) и к султану (от 25 апреля)²⁹. Грамота, направленная хану Селим-Гирею, была краткой и деловой. Хану предлагалось прекратить войну и не оказывать помощи Петру Дорошенко. В противном случае Крым атакуют ногайские вассалы России, калмыки и донцы, «сухим и водяным путем». С грамотой был отправлен толмач Григорий Волошенин, но грамоту у него «на дороге в степи крымские люди отгромили»³⁰. Когда это выяснилось, 8 августа в Крым была отправлена новая грамота с требованием «поворотится назад и войну от всех краев удержать». Иначе выступят в поход на Крым не только донские казаки и калмыки, но и «наши государские рати»³¹.

Грамота к султану была отправлена в Стамбул с толмачом Василием Даудовым. В грамоте настоятельно предлагалось, чтобы султан «сь его королевским величеством за изменника ево Дорошенка войну велел отставить». В противном случае, указывалось в грамоте, «учнем против вас промысл чинить» и побуждать к войне против Османской империи других христианских государей и персидского шаха³². Как известно, эти обращения никакого влияния на ход событий не оказали, так как попали к адресатам, когда военная кампания уже закончилась³³.

Какую же цель преследовали в Москве, предпринимая подобные шаги? Как представляется, в Москве серьезно опасались поражения Речи Посполитой в войне с османами и пытались не допустить такого развития событий, угрожая своим вмешательством. Весной 1672 г.

²⁹ Тексты этих документов см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 143. Л. 19 об.–24.

³⁰ Там же. Л. 24.

³¹ Там же. Л. 27–30 об.

³² Там же. Л. 19–22; [Смирнов, с. 120].

³³ Так, В. Даудов смог передать царскую грамоту великому везиру лишь в феврале 1673 г. [Смирнов, с. 122].

это, по-видимому, казалось возможным. Одновременно русское правительство предприняло ряд мер, которые должны были показать контрагентам, что оно не ограничится словесными заявлениями.

23 апреля с подьячим Сем. Щеголевым была отправлена грамота на Запорожье, чтобы казаки стали «на Черное море, случась с донскими казаками, выходить и воинской всякой промысл чинить»³⁴. С ехавшим в Азов В. Даудовым была отправлена донским казакам аналогичная грамота с предложением «обослався» с Сечью, «на Черное море стругами выходить и турецкого салтана и крымского хана жителем разоренье чинить» [Смирнов, с. 121]. В начале июня на Дон и в Сечь были посланы новые грамоты, в которых их снова побуждали к нападению на Крым, ссылаясь на то, что хан воюет на Северном Кавказе, а в Крыму малоллюдно³⁵.

Как отметил Э. Вуйцик, в конце июня Ю. А. Долгорукий и А. С. Матвеев сообщили вернувшимся в Речь Посполитую «великим» послам об этих царских «указах» [Wójcik, s. 303]. Как представляется, информация о предпринятых шагах должна была побудить власти Речи Посполитой оказывать сопротивление османам.

Задуманные планы далеко не во всем удалось осуществить. Так, из Запорожья пришел ответ, что «готовых чаек нет и делать нечем». Запорожцы также просили «пушек, зелья и свинцу и хлебных запасов». Командующему войсками Белгородского разряда Г. Г. Ромодановскому было приказано выслать все это и лес для строительства чаек³⁶. 1 сентября была отправлена и грамота калмыцким тайшам с предложением совместного похода на Крым калмыков, донцов и запорожцев. Было ясно, однако, что такой поход можно будет осуществить уже в следующем, 1673 г.

Иная обстановка сложилась на Дону. Военные действия начались здесь в конце июня 1672 г., через несколько дней после того, как В. Даудов проехал по Дону в Азов. Казаки вышли в море на 34 стругах, а затем с 5 по 26 августа они атаковали Каланчинские башни, закрывавшие выход с Дона в море, и одна из них была серьезно повреждена. Азовский паша просил подкреплений [Фаизов, 1993, с. 100]. На помощь в Азов прибыл паша из Каффы³⁷. Действия эти не остались незамеченными. В ответной грамоте хан Селим-Гирей в ответ на обвинения с русской стороны в нарушении мирных отношений писал, что русские на «украинный город Азов и на Азовскую башню многих ратных людей посылали... и для таких ваших непристойных дел великий турецкий государь не возлюбит»³⁸. Роль определенного предостережения (по крайней мере по отношению к крымской знати) действия донцов сыграли, но, конечно, существенного влияния на ход событий они оказать не могли. Следует учесть и то, что в Стамбуле имели серьезные основания рассчитывать на скорый и победоносный исход военной кампании и в этих условиях угрозы и действия русской стороны в глазах османских сановников не имели значения.

В первые месяцы 1672 г., несмотря на объявление войны со стороны Османской империи, в южных землях Речи Посполитой больших изменений не происходило. Крупных соединений османских войск здесь не было, и действовала только помогавшая Дорошенко крымская орда во главе с нуредином Сафа-Гиреем. Отряды польского войска, оставшиеся на Правобережье после похода Собеского осенью 1671 г., были малочисленны, плохо снабжались и не получали вовремя жалованья, но Петр Дорошенко не мог нанести поражение ни им, ни казакам, поддерживавшим его противника Михаила Ханенко. Тексты писем гетмана султану и османским сановникам от

³⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 143. Л. 39–41 об.

³⁵ Там же. Л. 42–44 об.

³⁶ Там же. Л. 221 об.–222.

³⁷ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 39 об., 52.

³⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 143. Л. 458.

12—14 апреля 1672 г.³⁹ содержали просьбы о помощи и признания, что без помощи он не может сохранить свои позиции на Правобережье. Положение на южных землях Речи Посполитой весной 1672 г. было не таково, чтобы побуждать правящие круги России и Речи Посполитой к срочным поискам важных решений.

Летом ситуация серьезно осложнилась. Началось движение османских войск к южным границам Речи Посполитой [Wagner, s. 219—221]. На раде сенаторов было принято решение просить царя о военной помощи. В грамотах от 9, затем 12 июля (н. ст.) король Михаил сообщал о начавшемся походе османов и своем намерении выступить против них «с посполитым рушеньем» и просил о «случении» армий⁴⁰.

Для принятия решения были необходимы сведения о положении дел в Речи Посполитой, о развитии внутривосточного кризиса и состоянии ее вооруженных сил. Сведения по этим вопросам должен был доставить подьячий Емельян Украинцев⁴¹, посланный в Варшаву с сообщением, что царь направляет в Варшаву посольство для подтверждения королем Михаилом русско-польского договора 1672 г. Поездка Е. Украинцева совпала по времени с резким обострением внутривосточного кризиса в стране. Новый сейм, собравшийся в мае 1672 г., был снова сорван, а главные противники короля Михаила во главе с Яном Собеским подписали 1 июня (н. ст.) «Акт конфедерации», провозглашавший необходимость устранения короля Михаила, хотя и не было предпринято попыток немедленно осуществить положения этого документа [Wagner, s. 215—219].

Произошедшие события нашли яркое отражение в сообщениях Е. Украинцева. Ряд важных вещей он узнал, уже проезжая через земли Великого княжества Литовского. Так, на дороге в Минск в конце июня Е. Украинцев узнал от литовских татар, что польского войска на Украине всего 12 000, «а литовского войска на Украине нет». Правда, рассылают универсалы о созыве «посполитого рушения», но люди «итить не хотят», так как «им заплаты не дано за многие заслуженные годы и вновь им ныне заплаты не дают же»⁴². Приехав 2 июля в Минск, он узнал, что король в «Варшаве в осаде от великого коронного гетмана от Яна Собеского», а другие говорят, что король «тайно» бежал. Яна Собеского поддерживают архиепископ гнезненский М. Пражмовский, воевода краковский А. Любомирский и ряд других сенаторов. Помимо разговоров Е. Украинцеву удалось достать присланный в Минск «универсал» великого гетмана литовского М. Паца от 5 июля. В нем говорилось, что король «осажден так тесно», что даже не может разослать грамоты о созыве «посполитого рушения» в свою защиту. Враги «сего государя низвергая, хотят скоро без всякого чину иного возвести». Он призывал прийти в Вильно для сбора «посполитого рушения» в защиту короля⁴³. Позднее в Варшаве он узнал, что Ян Собеский и М. Пражмовский и их сторонники покинули столицу, «не добив челом королю»⁴⁴. Ряд важных сведений о внутривосточном конфликте содержали и привезенные Е. Украинцевым материалы. Один из этих текстов — «Роспись винам королевским» — содержал перечень обвинений Михаила Вишневецкого из 49 пунктов⁴⁵. В другом говорилось, что 3 августа к королю приехали послы из Люблинского воеводства, сообщавшие, что войско «со зади и с сторон зашли на дорогу к королевскому величеству, которые на здравие его хотят мыслить»⁴⁶.

³⁹ Сохранились в деле о приезде в Москву польского гонца К. Ковалевского (РГАДА. Ф. 79. Кн. 149. Л. 38—54).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 143. Л. 131—134 об., 136—138 об.

⁴¹ См. текст его наказа: РГАДА. Ф. 79. Кн. 144. Л. 18.

⁴² Там же. Л. 30 об.—31 (отписка от 22 июня).

⁴³ Там же. Л. 40 об.—41, 58—59.

⁴⁴ Там же. Л. 86.

⁴⁵ Там же. Л. 64—68.

⁴⁶ Там же. Л. 63.

Важную информацию собрал Е. Украинцев и о начале военных действий между Речью Посполитой и Османской империей. Так, он сообщал о поражении стоявшего на южной границе войска в сражении у Четвертиновки⁴⁷. Он привез также письма самого командующего С. Лужецкого о происшедшем, где отмечалось, что «не подъезд, но войско побито есть»⁴⁸. Е. Украинцев узнал и о начавшейся осаде Каменца Подольского османскими войсками. «Коменданта в Камянце нет, опасаютца поляки, чтоб не здались»⁴⁹, — писал он. О положении в городе ярко говорило привезенное гонцом письмо каменецкого епископа Веспасиана Ланцкоронского. «Зде, — сообщал епископ, — в Каменце Подольском ни главы, ни осады нет»⁵⁰. Сообщал Е. Украинцев и о панике, охватывавшей население южных районов Речи Посполитой. «Изо Львова и из ыных тамошних мест богатые торговые люди со всеми животы» едут в Гданьск⁵¹. «В Литве говорят, есть ли, де, силен будет турок поляком, а з другую сторону наступит француз» — традиционный союзник турок, то жители станут искать защиты у царя⁵². Наконец, Е. Украинцев констатировал: «А о помочи королю полскому от цесаря и от иных государей не слышать»⁵³.

Как представляется, для царя и его советников особое значение имели известия о Яне Собеском, командующем коронной армией — главной вооруженной силой Польского королевства. Приходившие известия подтверждали высказывавшиеся ранее подозрения. Е. Украинцев сообщал, что гетман «с Синявским (имеется в виду великий хорунжий коронный М. Синявский. — Б. Ф.) салтану поддался» и в борьбе с королем его поддерживает «Дорошенко с казаками»⁵⁴. Сообщения Е. Украинцева подтверждали другие информаторы. 20 июля были записаны речи «выходца», что «Собескою, деи, короля устрашивал, что он на короля нанял орду и черкас»⁵⁵. 23 июля датировано сообщение, «что Собеский, сказывают, пишетца пашою» и что в Литве боятся, чтобы он со своими сторонниками «к турку не поддался»⁵⁶. Еще раньше вернувшийся из Крыма В. Шишкин на расспросе в Посольском приказе 13 июля сообщал, что хану Собеский «писал с армянином, чтоб хан шел под Каменец, не мешкав... а он, гетман, королю помогать не будет и войска в Польше немного»⁵⁷.

Рисовалась мрачная безрадостная картина. Вместе с тем 19 июля в Москву попал «универсал» короля Михаила (экземпляр Сандомирского воеводства) о созыве по просьбе всех воеводств посполитого рушения. Войско должно собраться 15 августа под Грубешовым⁵⁸. Одновременно с этим «универсалом» было получено письмо одного из «великих» послов К. П. Бжостовского А. С. Матвееву, где говорилось, что «в скором времени» король во главе «посполитого рушенья» двинется на «бусурман»⁵⁹. За этим обращением в августе-сентябре 1672 г. последовали присланные по почте новые грамоты короля Михаила с сообщениями о

⁴⁷ Там же. Л. 87. Об этом сражении см.: [Wagner, s. 231–236].

⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 144. Л. 72 об.—75.

⁴⁹ Там же. Л. 86 об.—87.

⁵⁰ Там же. Л. 76 об.

⁵¹ Там же. Л. 87.

⁵² Там же. Л. 88 об.

⁵³ Там же. Л. 89 об.

⁵⁴ Там же. Л. 41, 87 об.

⁵⁵ РГАДА. ф. 79. 1672 г. № 1. Л. 128.

⁵⁶ Там же. Л. 129.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 123. Кн. 52. Л. 236 об.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 143. Л. 152–155.

⁵⁹ Там же. Л. 156–157.

наступлении османов и просьбами о помощи⁶⁰. Царь ответил, что от возвратившихся «великих» послов он надеется узнать, «в каковых силах ваши королевского величества войска... будут», и тогда снесется с королем⁶¹.

Имелось в виду посольство во главе с В. С. Вольнским, об отправлении которого сообщал Е. Украинцев. Посольство выполняло миссию важную, но формальную. Послы должны были принять присягу короля на новом русско-польском договоре 1672 г. Обращает на себя внимание при этом, что вместе с опытными дипломатами В. С. Вольнским и И. И. Чаадаевым во главе посольства встало такое доверенное лицо царя, как думный дьяк Дементий Минич Башмаков, глава Приказа Тайных дел, снабжавшего царя надежными сведениями о реальном положении дел в стране. Эта деталь показывает, что посольство имело для царя Алексея Михайловича важное значение. Оно должно было дать ему точное представление о положении дел в Речи Посполитой.

Посольство выехало за рубеж 1 июля⁶² и возвратилось в Смоленск 12 октября⁶³.

Тем временем события развивались быстро. К концу июля османская армия пересекла территорию Молдавского княжества и вышла к южной границе Речи Посполитой в районе Каменца Подольского — одного из главных узлов обороны Речи Посполитой на границе с мусульманским миром [Wagner, s. 245–249]. В середине августа началась осада крепости, которая капитулировала через 10 дней [Wagner, s. 250–262]. После взятия крепости началась оккупация близлежащих территорий османским войском. Находившиеся в этом регионе небольшие отряды войск Речи Посполитой и казаки М. Ханенко отошли на север и запад [Wagner, s. 238–242], и в своем продвижении османская армия не сталкивалась с организованным сопротивлением каких-либо военных отрядов. В ряде крепостей османы столкнулись с сопротивлением их гарнизонов, которые, конечно, не могли дать отпор османской армии, многие же другие капитулировали без борьбы [Wagner, s. 263–266]. Османские войска заняли значительную часть Подолии и вступили на территорию Русского воеводства. 23 сентября началась осада Львова [Wagner, s. 272–273].

Сведения о наступлении османов черпали в Москве не только из грамот короля Михаила с просьбами о помощи, но и из других источников. Много сведений приходило в русскую столицу через Киев. Так, в Москву был доставлен «универсал» правобережного гетмана от 2 сентября, где говорилось, что «нигде собранного войска корунного нет», «все города кланяютца и ключи от городов отдают»⁶⁴. В сообщениях «выходцев» также говорилось, что «из-под Каменца Подольского польское войско все разбежалось... Войска ляцкого (выходец) нигде не сказывает». Позднее в Москву попало письмо каменецкого епископа, что в Каменце было мало военных, «порохи были злые, пушкарей мало и неучены», а у османов «пушкарки выборные и порохи добрые»⁶⁵.

В ряде сообщений присутствовали новые слухи о сотрудничестве Яна Собеского с османами, татарами и Дорошенко. В «универсале» Дорошенко сообщал, что ожидает приезда во Львов Собеского, который «не воевати... договаривати тотчас с нами хочет». Выходцы в сентябре говорили в Киеве, что Собеский «королю непослушен», а сам он «заодно с Дорошенком при турецком салтане» и по его приказу выводят польские войска из «черкасских городов». 6 октября выходец рассказывал в Киеве, что Дорошенко «с коронным гетманом с Яном Собеским сошлись под городом Жолковкою и хотят воевать заодно полские города»⁶⁶.

⁶⁰ Там же. Л. 177–178 об. (грамота от 7 августа), 197–200 об. (грамота от 2 сентября).

⁶¹ Там же. Л. 203.

⁶² РГАДА. Ф. 79. Кн. 146. Л. 19.

⁶³ Там же. Л. 208.

⁶⁴ АЮЗР. СПб., 1879. Т. 11. № 12. Стб. 31–32.

⁶⁵ Там же. № 13. Стб. 33; № 15. Стб. 35; № 25. Стб. 62.

⁶⁶ Там же. № 12. Стб. 31–32; № 18. Стб. 47; № 25. Стб. 61.

В таких условиях в Москве очень нуждались в надежных сведениях о положении дел в Речи Посполитой и о состоянии ее вооруженных сил. Первые сведения от посольства В. С. Вольнского стали поступать в Москву еще в июле. В это время послы пересылали сведения, собранные при проезде через Великое княжество Литовское. Уже в пограничной Орше послы узнали, что король и его противники «не в згоде попережнему»⁶⁷. Тогда же выяснилось, что против короля выступают глава церкви — архиепископ гнезненский, первый светский сенатор — воевода краковский и многие другие польские магнаты. При короле «сенаторы княжества Литовского все, а коронные немногие»⁶⁸. Подчеркивались связи противников короля с османами: подскарбий коронный А. Морштын «посылал от себя слугу своего тайно к турецкому салтану», призывал его к войне с Речью Посполитой⁶⁹. О поражении войска под Четвертиновкой говорили, что «тот побой учинился по ссылке гетмана Сабелского з Дорошенком и с татары»⁷⁰. 25 июля в Новогрудке послы познакомились с королевским «универсалом» о сборе «посполитого рушения», но на следующий день выяснилось, что мобилизованная так шляхта должна отправиться не на войну с османами, а «на сейм вскоре» для борьбы с противниками короля⁷¹.

Переговоры «великих» послов с сенаторами состоялись в краковском пригороде Казимире в конце августа. Послы сообщили, что царь «указал со всего государства своего изо всех городов подданным татаром быть на своей царского величества службе» у польской границы и этих татар можно направить на помощь Речи Посполитой «через литовские и польские городы»⁷². Алексей Михайлович хотел помочь Речи Посполитой, но в сложившейся ситуации не мог рисковать своей армией. Татарская конница была бы полезна в войне с османами и татарами и могла бы оперативно уйти от столкновения с соединенными силами превосходящего противника. Сенаторы во главе с Яном Гнинским, которые вели переговоры, отклонили это предложение и предлагали направить им на помощь армию во главе с Г. Г. Ромодановским. Они выражали готовность заключить договор «о проходе и прокормлении тех войск»⁷³. При этом ничего не говорилось о местонахождении и размерах войск Речи Посполитой и о каком-либо общем плане военных действий. Послы не могли дать согласия, так как такие предложения не были предусмотрены в их наказе⁷⁴.

Во время пребывания в Варшаве послы, по-видимому, находились в достаточно строгой изоляции: статейный список посольства не фиксирует каких-либо сведений о положении в Варшаве, стране, на южной границе.

Положение изменилось, когда 4 сентября, уже после официального «отпуска» послов, их посетил Стефан Сокальский, православный шляхтич, близкий к православному митрополиту Антонию Виницкому. Он сообщал о взятии Каменца и походе османов ко Львову. С султаном идет большая армия, а на занятых землях «мещаном, черни, поселяном, налоги, теснот и обид турецкие ратные люди за повелениям салтановым ни в чем не чинят, кормов себе и конских насилством ничего не емлют, все покупают». «Посполитое рушение» собирается, но половина людей идет к королю, «а другая половина идет к гетману Собескому», который стоит на Вольни у Сокаля «с небольшими людьми», а сторонники короля собираются у Яновца — совсем далеко от

⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 146. Л. 23.

⁶⁸ Там же. Л. 27 об.—28.

⁶⁹ Там же. Л. 42—42 об.

⁷⁰ Там же. Л. 50.

⁷¹ Там же. Л. 44—49.

⁷² См. соответствующие предписания в наказе (РГАДА. Ф. 79. Кн. 145. Л. 212—213) и запись переговоров (РГАДА. Ф. 79. Кн. 146. Л. 123—124).

⁷³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 146. Л. 127 об.—129.

⁷⁴ Там же. Л. 130 об.

района боевых действий⁷⁵. Запись полученных сведений 8 сентября была отправлена в Москву⁷⁶. Так стало ясно, что никаких крупных вооруженных сил в южных областях Речи Посполитой, которые могли бы противостоять наступлению османов, нет. На Волыни находилась лишь небольшая армия во главе с Яном Собеским, и было неясно, как она себя поведет. К царю в подмосковное село Преображенское послы прибыли 30 октября⁷⁷. Но еще до их прихода в Москве были приняты важные решения. Толчком к их принятию послужила грамота короля Михаила, полученная 30 сентября. В ней он сообщил о взятии Каменца, где враг «шляхту и духовенство вырубил и освященных Господу Богу дев посрамил, костели и церкви божии в мечети турецкие пременил», и войска османов движутся дальше⁷⁸.

Вскоре после этого, 4 октября, в селе Преображенском, «как было у государя с бояры сиденье», по докладу А. С. Матвеева было принято решение отправить в разные европейские государства посланцев с призывом прекратить европейскую войну Франции и Австрии и их союзников и оказать помощь Речи Посполитой⁷⁹. Тексты грамот папе и различным государям датированы 11 октября⁸⁰. Отправленные на запад посланцы — П. Менезий, А. Виниус и Е. Украинцев — 1 ноября прибыли в Новгород⁸¹.

В начале октября по стране стали рассылать царские грамоты, текст которых следовало зачитывать перед детьми боярскими. Такая грамота открывалась заимствованными из королевской грамоты сведениями о взятии Каменца, и далее сообщалось, что теперь султан «на наше государство тщится воиною». Поэтому царь объявляет всеобщую мобилизацию детей боярских на службу, «а где кому быть, о том наш, великого государя, указ прислан будет впредь»⁸².

8 октября датирован царский указ командирующему войсками Белгородского разряда Г. Г. Ромодановскому. Царь сообщал, что теперь, после взятия Каменца, «всеми своими силами поход свой готовить велели» и войска должны были быть приведены в боевую готовность⁸³. 7 октября была направлена грамота на Запорожье с предложением прислать в Москву людей, «которые б знали путь на Крым сухим путем, а на Черное море водяным путем»⁸⁴. Царь и его советники явно не считали, что их южные границы обеспечены какими-то международными соглашениями. Большая война, которую русское правительство пыталось предотвратить дипломатическими шагами, разразилась. Взятие Каменца показывало, что Речь Посполитая, в которой налицо серьезный внутриполитический кризис, не в состоянии вести войну с османами.

В таких условиях Речь Посполитая могла потерпеть поражение, и Россия стала бы объектом османской экспансии. Отсюда и решения искать союзников в борьбе с османами, и мобилизация сил для обороны собственных границ.

В то время, когда принимались такие решения, в ставке султана в Бучаче происходили польско-османские мирные переговоры. Комиссары Речи Посполитой, не опиравшиеся на поддержку крупных вооруженных сил, были вынуждены согласиться на мир, условия которого были продиктованы противником. Договор предусматривал передачу султану Подолии «в старых

⁷⁵ Там же. Л. 194 об.—195 об. В лагере Я. Собеского к концу сентября было около 3–4 тысяч солдат [Wagner, s. 282].

⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 146. Л. 202–202 об.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 145. Л. 292 об.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 143. Л. 197–200 об.

⁷⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1856. Т. IV. Стб. 852.

⁸⁰ Там же. Стб. 753, 762, 765, 767 и др.

⁸¹ Там же. Стб. 873. Об этой акции русской дипломатии см.: [Максимов].

⁸² Дополнения к Актам историческим. СПб., 1857. Т. VI. № 64. С. 250–251 (экземпляр, посланный во Владимир).

⁸³ АЮЗР. Т. 11. № 22. Стб. 54–56.

⁸⁴ Там же. № 21.

границах». На территории Правобережной Украины устанавливалась власть Дорошенко, и польская сторона должна была вывести свои войска из тех крепостей на этой территории, где они находились. Кроме того, Речь Посполитая обязывалась ежегодно, 5 ноября, подносить подарок султану в размере 22 тысяч «червонных золотых» [Wagner, s. 288–292]. В ноябре созданное королем Михаилом «посполитое рушение» (около 30 тысяч человек), так и не вышедшее на театр военных действий, разъехалось по домам [Wagner, s. 292–293]. Началась реализация условий Бучачского договора. Польские гарнизоны из Брацлава, Ладыжина и Могилева на Днестре были отправлены во Львов. Только комендант Белой Церкви полковник Лёбль отказался по приказу Дорошенко очистить крепость [Wagner, s. 301–302].

В начале ноября 1672 г. в Москве уже стало известно о заключении польско-османского мира и о выводе польских гарнизонов из украинских крепостей⁸⁵. В отношении положения в Речи Посполитой выходцы и лазутчики продолжали передавать слухи о связи главы противников короля Михаила — Яна Собеского с Петром Дорошенко и османами. Так, в отписках киевского воеводы, поданных 19 ноября, говорилось, что Ян Собеский «королевскому величеству непослушен и заодно с Петром Дорошенко в послушании у турецкого салтана»⁸⁶. В нескольких сообщениях говорилось, что Ян Собеский вместе с Петром Дорошенко требовал вывода польского гарнизона из Белой Церкви⁸⁷. Все это заставляло опасаться, что в будущем можно ожидать даже какого-то сотрудничества Речи Посполитой с османами. В одном из сообщений об условиях польско-османского мира отмечалось, что «куда ему салтану или везирию, на которые государства для войны поход будет, и он бы, король полской, его турецких и крымских людей и казаков через Полскую землю пропускал»⁸⁸.

Одновременно в целом ряде сообщений говорилось, что за походом на Каменец и Львов последует поход османов на Киев. Уже 15 октября в Киеве стало известно о чтении на Правобережье «универсала» Петра Дорошенко, что «из Полши турки и орда поидет на Украину вскоре»⁸⁹. 1 ноября в Москве была получена отписка от киевского воеводы Г. Козловского, что Петр Дорошенко предлагает братьям и митрополиту Иосифу Тукальскому писать «на переяславскую сторону», чтобы население переходило под его власть, а он «пошлет за Днепр воию татар вскоре»⁹⁰. В отписке Г. Козловского, полученной 19 ноября, говорилось, что «посулил, де, турецкой салтан Дорошенку Киев город»⁹¹. В другом сообщении слова, якобы сказанные султаном, излагались иначе: «не печался, де, ты о Киеве, сам, де, буду под Киев, Киева доставать»⁹².

Со временем в Москве получили подтверждение, что речь шла не только о слухах, распространявшихся сторонниками Дорошенко. В. Даудов, побывавший 1 марта 1673 г. в ставке султана в Адрианополе, сообщил в Посольском приказе, что под Каменцом Дорошенко султану «дал роспись, как под Киевом промышлять и с которую сторону подкопы копать и пушки вестъ»⁹³, а сам султан интересовался у хана, как устроена Белгородская черта «и есть ли через тот вал путь, где б хану... и ордам ево переходить», чтобы «царскому величеству учинить разоренье большое»⁹⁴.

⁸⁵ Там же. № 25. Стб. 65; № 30. Стб. 73–73. См. также: № 31. Стб. 76.

⁸⁶ Там же. № 32. Стб. 79.

⁸⁷ Там же. Стб. 77; № 33. Стб. 82.

⁸⁸ Там же. № 27. Стб. 68.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. № 25. Стб. 61.

⁹¹ Там же. № 31. Стб. 76.

⁹² Там же. № 37. Стб. 100.

⁹³ РГАДА. Ф. 89. Кн. 13. Л. 49–49 об.

⁹⁴ Там же. Л. 62 об., 64 об.

Складывалось положение, когда возникала необходимость мобилизации сил для защиты Левобережной Украины. 27 ноября на постельном крыльце в Кремле был зачитан царский указ о решении Алексея Михайловича «идтить своею государскою особою» против султана и его войск «всего своего государства с ратными людьми». Это был «указ» о службе, к которой дети боярские должны были готовиться в октябре-ноябре 1672 г. В связи с этим детям боярским предписывалось «запасы свои отпускать в Путивль по нынешнему же зимнему пути». В указе говорилось и о намерении царя строить в Путивле «свой государскою двор»⁹⁵. Как отмечено в «Дворцовых разрядах», в Путивле «делать двор государев» был отправлен Семен Ероф. Алмазов⁹⁶. «Указ» был направлен на места для оглашения его перед детьми боярскими⁹⁷.

Тогда же было принято решение направить в Киев крупные военные силы во главе с Ю. П. Трубецким, 27 ноября получившим от царя боярский сан. С ним были посланы люди «государева двора» и стрелецкие приказы. Новые воеводы с войсками были направлены в Нежин, Переяслав, Чернигов⁹⁸.

О принятых решениях 2 декабря был извещен левобережный гетман Иван Самойлович⁹⁹. 18 декабря на заседании боярской думы с участием патриарха было принято решение о сборе чрезвычайного налога на содержание армии — «по полтине» с крестьянского двора и по десятой деньге с посадского населения¹⁰⁰.

Перечисленные факты ясно показывают, какую глубокую тревогу вызвали в России события 1672 г., означавшие очень важный шаг на пути усиления османской экспансии в Восточной Европе. Даже простой их перечень показывает несостоятельность построения о наличии некоего пакта о неагрессии между Россией и Османской империей, которому в Москве придавали серьезное значение. В Москве видели угрозу и стремились использовать зимний период, когда османы военных действий не вели, для подготовки к борьбе с новой опасностью.

Почему же в этих условиях Россия не оказала помощи Речи Посполитой во время событий 1672 г.? Такое решение определялось характером информации, поступавшей в Москву в 1671—1672 г. Эта информация рисовала Польско-Литовское государство как страну, находящуюся в глубоком внутривосточном кризисе, когда одна из главных группировок была, судя по сведениям, поступавшим из разных источников, в тесных контактах с Петром Дорошенко и османами. К этому следует добавить, что польско-литовская сторона не предлагала Москве какого-либо плана совместных военных действий. Не было сведений и о каких-либо крупных военных силах у русских границ, которые направлялись бы против османов, с которыми русские войска могли бы взаимодействовать. «Посполитое рушение» было создано, но оно находилось далеко от театра военных действий и использовалось королем Михаилом для борьбы с его политическими противниками. По сведениям, которыми располагали в Москве, на юге у Сокаля на Вольныни находился только Ян Собеский с «невеликими людьми», но никаких попыток вступить в контакты с русскими воеводами он не предпринимал, и для царя и его советников это было, вероятно, доказательством достоверности выдвигавшихся в его адрес обвинений.

В этих условиях в Москве не могли рисковать своей армией и придерживались позиции, четко сформулированной уже в 1671 г. в наказе представителям на несостоявшийся съезд в Андрусове. Правда, не все поступавшие в Москву сведения были достоверными. Так, очевидно, что обвинения Яна Собеского в тайных соглашениях с Дорошенко и османами и тем более

⁹⁵ Дополнения к Актам историческим. Т. VI. № 64. Стб. 251—253.

⁹⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 898.

⁹⁷ Дополнения к Актам историческим. Т. VI. Стб. 254.

⁹⁸ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 897—898.

⁹⁹ АЮЗР. Т. 11. № 35. Стб. 89—90.

¹⁰⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 547.

сообщения об их совместных действиях были явным продуктом межфракционной борьбы и никак не соответствовали действительности. Однако сообщения русских гонцов о глубине и размахе внутривосточного кризиса в Речи Посполитой, о ее неспособности в этих условиях дать отпор внешнему врагу, об отсутствии на театре военных действий крупных вооруженных сил польско-литовской стороны были достоверными. Их убедительность в ряде случаев подкрепляли привезенные тексты — документы, письма участников событий, памятники публицистики.

Все эти сообщения поставили царя и его советников перед трудным решением. Первоначально была предпринята попытка средствами дипломатии, угрожая своим вмешательством, предотвратить начинающийся конфликт, а позднее, когда он разразился и закончился печально для Речи Посполитой, было принято решение мобилизовать все силы для обороны южных границ.

Литература

- Крикун М. Між війною и радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006.
- Максимов П. Н. Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х годов XVII в. (1672—1673) // Славянский сборник. Саратов, 1990. Вып. 4. С. 54—81.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 13—115.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. II.
- Фаизов С. Ф. Неизвестная страница из предыстории отставки А. Л. Ордина-Нащокина // Славянский сборник. Саратов, 1985. Вып. 3. С. 66—76.
- Фаизов С. Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1673—1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 96—116.
- Флоря Б. Н. Посольство И. И. Чаадаева в Речь Посполитую и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. М., 2013. Т. 6 (153). С. 8—17.
- Эйнгорн В. О. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. 1897, ноябрь. С. 92—180.
- Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629—1674). Kraków, 1898. Т. III.
- Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000.
- Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672—1676. Zabrze, 2009. Т. I.
- Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie. 1667—1672. Warszawa, 1968.